

Хью Тревор-Ропер о хасидизме: разобщенность миров

Юрий Табак | 30.11.2017

Читатели имеют возможность познакомиться с любопытнейшим документом, являющимся, в некотором смысле, свидетельством впечатляющей культурно-социальной разобщенности нашего мира.

Речь идет о письме выдающегося английского историка Хью Тревора-Ропера своему пасынку. И хотя документ датирован 1961 г., с тех пор мало что изменилось.

Но обо всем по порядку.

Хью Тревор-Ропер (15.01.1914 - 26.01.2003), выдающийся английский историк, получил классическое образование в Оксфорде, где он потом сам начал читать курсы по древней классической литературе, а потом по истории Нового времени. Скоро он стал одним из признанных специалистов по истории позднего средневековья и Нового времени.

В начале 1940 г. Тревор-Ропера, блестящего знатока немецкого языка и немецкой культуры, привлекла к сотрудничеству английская разведка. Он вошел в состав знаменитой группы дешифровщиков немецких шифровальных кодов "Энигма" и "Лоренц", использовавшихся для связи Берлина с нацистскими агентами за границей.

В ноябре 1945 г. Тревор-Ропер, по заданию разведки, был послан в Берлин расследовать обстоятельства смерти Гитлера и изучить документы рейхсканцелярии. Изученные документы послужили материалами для написания им в 1947 г. книги "Последние дни Гитлера". Книга, ставшая одним из самых известных его трудов, написана не без присущего ему в течение всей жизни сарказма и стилистически восходит к трудам двух его любимых историков, Эдварда Гиббона и лорда Маколея.

В послевоенное время Тревор-Ропер написал целый ряд монографий и множество фундаментальных статей. Амплитуда исторических исследований Тревора-Ропера необыкновенно велика. Он внес огромный вклад в области историографии Средневековья и Нового времени, истории эпохи колониализма, истории Шотландии, истории нацизма. И отметим, что широта позднейших исторических интересов Тревора-Ропера не заглушила его любовь к античности. Уже в преклонных годах, практически слепому, студенты Оксфорда читали по его просьбе оригиналы греческих и латинских авторов.

Признанный одним из великих английских интеллектуалов XX в., Тревор-Ропер получил огромное признание со стороны крупнейших гуманитариев. По словам известного английского историка Джона Кениона, некоторые из коротких заметок Тревора-Ропера "повлияли на наши представления о прошлом больше, чем тома всех прочих авторов". Сэр Исайя Берлин в письме к Тревору-Роперу писал: "Вы понимаете природу истории лучше, чем кто-либо из Ваших современников в Англии, и я бы даже сказал, в Европе".

Но в не меньшей степени Тревор-Ропер знаменит, как один из самых выдающихся английских стилистов XX в. Все его книги написаны прозрачным и в то же время изысканным, часто исполненным иронии и сарказма языком, ставшим неподражаемым примером литературного мастерства. А уж в высотах эпистолярного жанра ему точно не было соперников. По словам

еще одного известного английского историка и писателя Дэвида Кэннадайна, "Хью Тревор-Ропер, вероятно – величайший писатель писем ... нашего времени".

Заслужил историк и официальное признание. В 1979 г., по представлению премьер-министра Маргарет Тэтчер, он получил звание пожизненного пэра, выбрав себе титул барона Дэйкр-оф-Блэнтон.

Приведенное ниже письмо затрагивает еврейскую проблематику. С последней Тревор-Роперу приходилось сталкиваться и ранее, причем не всегда в радужном свете. Так, книга "Последние дни Гитлера" вызвала очень неоднозначную реакцию: автор получил письмо из Лиссабона на иврите, где от имени еврейской подпольной организации "Лехи" утверждалось, что акцент в книге Тревор-Ропера на сверххаризматичность Гитлера является снятием ответственности с немцев за их злодеяния, за что автору выносится смертный приговор. И в дальнейшем книга являлась предметом горячей научной полемики, порой переходившей в серьезные обвинения. В частности, американский историк Люси Давидович назвала Тревор-Ропера "антисемитским снобом" и обвинила его в безразличии к Холокосту. Другие историки опровергали такой крайний взгляд, но утверждали, что Тревор-Ропер не слишком понимал в Холокосте. Но были и историки, которые отдают дань Тревор-Роперу, как первому исследователю, показавшему Гитлера не как безумного клоуна, а как опытного стратега, точно и выверенно погружающего немцев в дьявольскую реальность ("Hitler's Historian, Hugh Trevor-Roper". The New York Jewish week, July 15, 2010).

Известна его резкая и нашумевшая полемика с Ханной Арендт (Trevor-Roper, Hugh 'How Innocent was Eichmann?' *Sunday Times*, 13 October 1963; reprinted in *Jewish Affairs* Vol. 19 January 1964: 4-9). Отчет Арендт о процессе Эйхмана Тревор-Ропер считал в сильной степени зависимым от книги Рауля Хильберга "Уничтожение европейского еврейства", которая сама вызвала как резкую критику самой Ханны Арендт, так и бурю критики в адрес Хильберга, оставшегося наиболее одиозной, хотя и крупнейшей фигурой в исследованиях Холокоста.

Однако интерес к еврейству у Тревор-Ропера уже в силу его обращения к самым разным историческим периодам, разумеется, не ограничивался трагедией Холокоста. Крупнейший еврейско-итальянский историк античности Амальдо Момильяно в изданном в честь Тревор-Ропера сборнике статей, в статье, посвященной средневековой еврейской автобиографии, отмечает, что "мы давно разделяли с Хью Тревор-Ропером интерес к еврейской истории" и благодарит Тревор-Ропера за полученные знания и. (*A Medieval Jewish Autobiography// History and Imagination: Essays in Honour of H.R.Trevor-Roper*, London, 1981, pp.30-37).

К Израилю у Тревор-Ропера было двойственное отношение. Впервые он посетил Израиль зимой 1953-1954 г. по заданию "Санди Таймс", и назвал страну "запущенной, первопроходческой, воспламеняющей, завораживающей". Второй раз он приехал в Израиль в 1961 г., освещать процесс Эйхмана и довольно негативно высказался об Иерусалиме, опять же с точки зрения "запущенности" и полагая даже более "цивилизованными" соседние арабские земли. В один из вечеров местный французский еврей-старожил пригласил Тревор-Ропера и еще одного французского еврея, романиста Жозефа Кесселя посетить хасидский квартал. Свое посещение хасидского богослужения Тревор-Ропер и описал в письме к пасынку.

Главное, что бросается в глаза при чтении этого письма – это факт полной разобщенности двух миров. У Тревор-Ропера такое ощущение, что он попал к дикарям на какой-то забытый остров. Он испытывает искреннее изумление, хотя хасидизм, существовал к тому времени уже около 200 лет (в самом Лондоне хасидская община составляет десятки тысяч человек.). Примечательно, что историк отождествляет хасидизм с древней, еще дохристианской архаической практикой, противопоставляя его "современному иудаизму" – подразумевая, видимо, иудаизм скорее либерального толка или неоортодоксию.

В такой реакции, на наш взгляд, кроется еще более серьезная проблема, актуальная и поныне – глубокий водораздел между вполне секуляризированным современным западным христианством, светским обществом, и укорененным в средневековой религиозности и в крайне консервативных бытовых проявлениях – от одежды до молитвенной практики – хасидизмом, да и ультраортодоксией в целом. И такой контраст особенно ярко проявляется через восприятие Тревор-Ропера – утонченного европейского интеллектуала, тем более что он вообще очень ироничен, а порой и саркастичен по отношению к прошлой и современной клерикальной среде, которую прекрасно знал, как историк. От образованнейшего Тревора-Ропера ускользнула богатая, оригинальная книжно-религиозная культура хасидизма, накопленная в течение нескольких веков. Нет нужды говорить, что и хасидизм ни в малейшей степени не знаком и не стремится знакомиться с культурными достижениями окружающей цивилизации.

В завершающей части письма Тревор-Ропер противопоставляет законсервировавшиеся "еврейские племенные суеверия" древней эллинской просвещенности. Впрочем, он скорее ставит своей целью не столько разобрать по памяти эпизоды со священниками у Гомера, сколько дать себе возможность заняться любимым делом – поиронизировать над современной религиозно-политической ситуацией..

Надеемся, читателю будет интересно ознакомиться с письмом – и как отражением серьезных проблем в проблеме межрелигиозных и религиозно-светских контактов 20 в., и как образцом эпистолярного наследия блестящего и остроумного интеллектуала и ученого.

Примечания к письму его публикаторов при необходимости дополнены моими примечаниями.

Джеймсу Ховард-Джонстону^[1], 15 апреля 1961 г.

15 апреля 1961. Отель "Кинг Дэвид", Иерусалим

Мой дорогой Джеймс,

Видишь, я пишу тебе и не могу остановиться – αὐτὰρ ἐγὼ παρὰ σεῦ ολίγης οὐ τυγχάνω αἰδοῦς^[2] – но это уже вошло в привычку. Кроме того, мне доставляет удовольствие писать тебе; ведь я только что пережил опыт, которым мне хочется поделиться – так почему же не с тобой? Это гораздо проще и приятнее, чем заново обращаться к другому адресату, которому надо сначала объяснить почему я в Иерусалиме и т.п. и т.д.

В этом городе находится, в качестве корреспондента "Paris Soir", известный французский романист еврейского происхождения, Жозеф Кессель^[3]. Мы знакомы: некоторое время назад он приехал ко мне из Парижа, с просьбой написать предисловие к его недавней (и очень удачной) книге "Чудо-руки" (Les mains du miracle) о массажисте Гитлера, Феликсе Керстене. Ну и вот, в здании суда, пока Генеральный прокурор^[4] и д-р Серватиус^[5] были погружены в изоощренные юридические споры, а Эйхман с каменным выражением взирал сквозь стекла очков из стеклянной клетки, в которой его держали – словно какое-то редкое и страшное морское чудовище – я столкнулся с Кесселем, который спросил меня, хочу ли я составить ему компанию в пятницу вечером, т.е. в начале шаббата (он продолжается от захода солнца в пятницу до захода солнца в субботу) и увидеть в деле религиозных фанатиков. Поскольку мне всегда доставляют удовольствие разные странные проявления la comédie humaine^[6], и особенное пристрастие я испытываю к религиозным эксцентрикам, то, естественно, я согласился. И вот в 8 вечера за мной в гостиницу зашел весьма цивилизованный французский еврей, который живет здесь с 1936 года и знает каждый камень. Я одолжил ритуальную

шапочку (с непокрытой головой входить в синагогу нельзя), и мы вместе с ним и Жозефом Кесселем отправились в район Иерусалима под названием Меа-Шеарим, где проживает секта хасидов.

Хасиды появились здесь, полагаю, в 18 в. Это фундаменталисты, ортодоксы из ортодоксов. В Иерусалиме их 8-10 тысяч человек, и они живут тут с начала века. Большинство из них – выходцы из Румынии. Они отказываются говорить на иврите – употребление его людьми осквернило бы язык Божий – и говорят только на идиш (идиш – это *lingua franca*^[7] восточноевропейского еврейства, искаженный иудаизированный вариант немецкого, который, однако, записывается еврейскими буквами). Живут они в похожих на крепости жилых блоках, с одной входной дверью на каждый блок, и внутренними дворами – чем-то напоминая университетские колледжи. Обычно хасиды по профессии ремесленники. Они отказываются служить в армии и от прочих мирских занятий. Помимо занятий ремеслом, они только молятся.

Проходя сквозь эти необычные, вытянутые колледжи, я заметил, что там не было мальчиков и мужчин – нам встречался только женский пол. Но наш гид, м-р Речев, объяснил, что весь мужской пол сейчас пребывает в синагоге. Так что мы пошли в синагогу. По мере приближения к синагоге до нас стал доноситься странный гул, раздававшийся изнутри, а когда мы подошли близко, то через окна я разглядел мечущиеся тени, огромные на фоне горящих свечей. Мы вошли, и зрелище оказалось еще более странным. У меня возникло ощущение, что мы попали в сумасшедший дом, и первым порывом было развернуться и бежать прочь. Однако м-р Речев велел остаться с ним, что я и сделал.

Синагога напомнила мне непритязательный ресторан. Во всех направлениях тянулись длинные столы; за столами сгрудились мужчины и мальчики всех возрастов, от 3 до 90 лет, всего около сотни человек – некоторые сидели, другие стояли, если было место. Некоторые из них носили европейскую одежду и черные шляпы, но большинство было в белых одеяниях, в полосатых как у зебры, накидках и белых капюшонах на головах. Другие носили кафтаны (широкие приплюснутые круглые шапки из коричневого меха^[8]). У всех перед ушами свисали длинные закрученные локоны. Однако выглядели все очень опрятно – и сами по себе, и что касается одежды; синагога тоже была очень чистой: отдраенные столы, выбеленные стены. Но это зрелище смотрелось столь диковинно не только потому, что все издавали одни и те же странные и нестройные гнусавые звуки (в конце концов, их можно услышать в любой папистской церкви), но также и совершаемые ими исступленные движения. Стоя или сидя, они судорожно раскачивались, двигаясь вверх-вниз всем телом, бросаясь из стороны в сторону, со странным выражением на лице. Один из молящихся рядом со мной стоял перед голой стеной и все это время, что мы были там, качался как наэлектризованный, словно с шарниром в заднице; то вытягивался во весь рост, то утыкался носом в пол, задирая задницу кверху. У большинства глаза были закрыты; никого не заботило, в каком направлении он повернулся. Никаких попыток синхронизировать движения и нестройный гул не предпринималось, и зрелище казалось до крайности диким и беспорядочным. Я подумал, а не требуется ли от нас тоже включиться, но один из молящихся усадил меня на свое место за столом и сунул мне в руку еврейский молитвенник, в который я уставился с самым серьезным видом, как приличествует англиканину. Молящиеся распевали псалом. Затем, совершенно неожиданно, они одновременно смолкли, через мгновение разразившись дикими криками и причитаниями. Синагога затряслась. М-р Речев объяснил, что они дошли до того места, где голос Господний потрясает горы и валит огромные деревья, даже кедры Ливанские.^[9] Страшный шум, который они подняли, должен был изображать великий и ужасный голос Господний. М-р Речев разъяснил, что исступленные раскачивания совершались во исполнение другого божественного предписания – славить Господа всеми членами тела. Когда голос Господний стих, все повернулись к дверям синагоги приветствовать Субботу, которая должна была "прийти". Когда она уже оказалась "внутри", сначала воцарилась абсолютная тишина, а

потом синагога огласилась дикими криками радости. С этого момента, объяснил м-р Речев, присутствующие будут раскачиваться и бормотать в нос в течение всей ночи, "сохраняя субботу".

Мы же вышли и отправились поужинать. В 11 часов вечера мы вернулись в ту же синагогу. Молящиеся все еще были внутри, "храня субботу", хотя многие из них выбились из сил и распростерлись спящими на скамьях или по углам. Даже самые выносливые раскачивались и гудели уже не столь активно. Затем внезапно повисла тишина: перед раввином положили большой каравай хлеба, от которого он стал отламывать куски и раздавать присутствующим. Потом ему стали подносить блюда, одно за одним, он ел сколько хотел, после чего поднимался дикий шум – все члены общины старались дотронуться до кусков, которых коснулась рука святого человека. Между подачей блюд возобновлялись все то же гнусавые звуки и раскачивания. Когда раввин закончил трапезу, стали раздавать вино. Знакомый гул возобновился и наверняка еще долго продолжался после нашего ухода.

Это был необыкновенный опыт – минуя христианство, минуя современный иудаизм, попасть назад в мир, из которого выросло христианство: в мир Ветхого Завета или, по крайней мере, в истоки Нового. Толпы учеников, жаждущих коснуться одежды Христа; тайная вечеря – все тут имело место. Я попытался представить себе наше степенное англиканство, наше прекрасное, изысканно-лирическое пение псалмов как наследие (коим оно и является) такого примитивного поведения, но это было очень нелегко. Наши даже самые глупые атавизмы, даже самые крайние нелепости д-ра Маскалла^[10] (хотя они еще глупее, будучи сознательно измышленными, в то время как эти просто сохранились) вряд ли могут здесь соперничать.

И ведь как необычен тот факт, что евреи, при полном свете и свободе XX в.^[11], все еще сохраняют эти племенные суеверия, в то время, как греки, еще во мраке своей ранней античности, были настолько свободны от них! Как мало религии в Гомере! Вспоминаю "Илиаду" и "Одиссею", во всех 48 книгах (хотя, несомненно, я многое подзабыл), я могу припомнить только трех священнослужителей – и даже они не слишком благочестивы. Первый – это, конечно же, и самый первый персонаж на сцене Илиады – преп. Хрисес, викарий прихода в Хрисах^[12]. Он и заварил всю эту кашу, отрядив своего патрона вмешаться в собственные семейные дела (не имевшие ничего общего с религией). Тем самым подтверждается мудрое замечание старой няньки нашего нынешнего премьер-министра^[13], которое он процитировал на заседании кабинета: "если в мире где-то есть проблемное место, то стоит тщательней приглядеться, и ты всегда найдешь в глубине его священнослужителя". Есть у нас там и еще один старый приятель, имя которого я запамятовал – священник-эпикурец из Исмароса^[14]. Запомнился он исключительно специфическим выбором кельи и отказом делиться ключом от нее с кем-либо, кроме своей трезвенницы-экономки. Наконец, я припоминаю довольно примитивное низшее внеприходское духовенство в Додоне – наверное, что-то вроде богословского колледжа, типа Каддесдона^[15]. Оно упомянуто только в силу негигиеничных привычек спать на земле и не мыть ноги: ἀνπίπτεζ, χαμαίβια^[16]. Может, позже я вспомню и других, но в целом, думается, мы можем выбрать этих трех, как типичных представителей гомеровской государственной Церкви – и вообще очень типичной государственной Церкви^[17].

Мне надо остановиться. Это положительно последнее письмо к тебе, по крайней мере, из Иерусалима. Будем на связи.

С любовью,
Хью.

Footnotes

- [1] Джеймс Ховард-Джонстон (род. 1942), пасынок Хью Тревора-Ропера. Известный английский византист, автор работ по истории античности и возникновению ислама (Ю.Т.).
- [2] "А я и скудного от тебя не вижу приветя" (пер. А.К.Гаврилова в кн. А.И.Доватур "Феогнид и его время", Л., "Наука", 1989 – Ю.Т.). Тревор-Ропер приводит строку из сборника элегий Феогнида (греческий поэт VI в. до н.э. - Ю.Т.), где поэт упрекает молодого человека, не желающего скрасить ему одиночества.
- [3] Жозеф Кессель (1898-1979). чьи предки происходили из Литвы, родился в Аргентине. События его бурной жизни – летчик в 1-ую Мировую войну, военный корреспондент, журналист-путешественник, участник Соппротивления во 2-ую Мировую войну – легли в основу большинства его романов (но не "Дневной красавицы" – рассказа, экранизированного Бунюэлем). В 1967 г. избран членом Французской академии.
- [4] Речь идет о Гидеоне Хауснере (1915-1990), генеральном прокуроре Израиля в 1960-1963 гг., возглавлявшем группу прокуроров на процессе Эйхмана (Ю.Т.)
- [5] Д-р Роберт Серватиус (1894 – 1983), известный немецкий адвокат, осуществлявший защиту нескольких нацистских преступников, в т.ч. Адольфа Эйхмана на процессе в Иерусалиме. (Ю.Т.)
- [6] человеческая комедия (Ю.Т.)
- [7] общепрнятый язык (Ю.Т.)
- [8] Очевидно, Тревор-Ропер спутал штреймлы – так называются шапки, которые носят хасиды, – с лапсердаками ("кафтанами") – верхней одеждой восточноевропейских евреев (Ю.Т.)
- [9] Пс. 29:5 (читается в Кабалат Шаббат -Ю.Т.). Тревор-Ропер не совсем точно цитирует текст.
- [10] Э.Л. Маскэлл (1905 –1993) – священник, один из крупнейших теологов англо-католицизма (Ю.Т.)
- [11] Парафраз слов Э. Гиббона из его книги "В защиту некоторых мест в пятнадцатой и шестнадцатой главах Истории заката и упадка Римской империи" (1779): "полный свет и свобода XVIII столетия". Тревор-Ропер написал предисловие к изданию этой работы Гиббона (1961 г).
- [12] Хрисес (Хрис) – жрец храма Аполлона в Гипоплакийских Фивах, один из героев "Илиады". Тревор-Ропер иронизирует, намеренно осовременивая статус Хрисеса и шутливо излагая сюжет "Илиады" (Ю.Т.)
- [13] В преклонные года Макмиллан (Гарольд Макмиллан., премьер-министр Великобритании в 1957-63 гг. - Ю.Т.) рассказывал, что в детстве его нянька, миссис Кэролайн Ласт, была "настоящим центром жизни".
- [14] Речь идет о Мароне – одном из героев "Одиссеи", жреце храма Аполлона в Исмаре. Тревор-Ропер шутливо излагает сюжет "Одиссеи" (9:197-209) (Ю.Т.).
- [15] Cuddesdon – колледж в Оксфорде. Тревор-Ропер часто иронизировал над системой образования в Оксфорде: см., в частности, сборник его писем "Letters from Oxford", Phoenix, 2007 (Ю.Т.)
- [16] "Кои не моют ног и спят на земле обнаженной!" Гомер, "Илиада" 16:235 (пер. Н.Гнедича - Ю.Т.)
- [17] Established Church – англиканская церковь в Великобритании, носит статус государственной (Ю.Т.)

Editorial remarks

Перевод выполнен по изданию: "One hundred letters from Hugh Trevor-Roper". Oxford University Press, 2014 pp. 105-108.